

Чернобыль: растут дети и цены.

Место аварии превратилось в коммерческую зону

Накануне 26 апреля, дня чернобыльской катастрофы, корреспонденты "Известий" побывали в закрытой зоне и увидели, что там происходит. Один из выводов: Чернобыль полностью коммерциализировался и превратился в туристический аттракцион. По цене, сопоставимой с дорогой поездкой в Западную Европу.

Любовь к опасным местам

Поход в радиационную зону со сталкером становится мечтой экстремалов. Тем, кто верит фантастике Стругацких, предлагают заплатить полторы тысячи долларов. Да-да, цены растут даже в мире сталкеров, которые, как правило, имеют погоны.

Сегодня чернобыльская зона - это 65 бывших сел и поселков и 6000 человек, работающих в 30-километровом радиусе вокруг АЭС. Управа этой земли - 9 подразделений МЧС, регулирующих жизнь территории, забытой киевским начальством и брошенной прочими людьми.

Камуфлированные эмчээсники разделили зонный мир на "Чернобыльскую пуцу", "Экоцентр", "Чернобыльводэксплуатацию", "Техноцентр", строительные и организационные управы, а также "Чернобыльинтеринформ", занимающийся допуском/недопуском посторонних в зону.

"Сталкерство" в зоне - это монополизм, цены на экстрим-экскурсии поднялись в 20 раз. Когда-то в чернобыльской туристической гостинице можно было переночевать за 25 гривен (около \$3). Теперь за номер требуют свыше 500 гривен. Да и казенный сталкер, числящийся сотрудником МЧС, обходится в 360 гривен за шесть часов сопровождения. Проводит он по чернобыльским "библейским" местам: смотровая площадка, с которой разрушенный энергоблок виден, стела-факел, за которой был погибший от радиации "рыжий лес", город Припять, непосредственно Чернобыль, контрольный

пункт "Дитятки", который нужно покинуть не позже 16.00, иначе "охрана стреляет без предупреждения".

Напутствующий нас таким образом казенный сталкер Юрий Татарчук дает квитанцию - для оплаты и инструкцию - для подписания. В ней говорится, что мы обязуемся не пить и не потреблять наркотики во время пребывания в зоне. Скрепя сердце соглашаемся.

Татарчук считает зону своей землей, которую зазря туристы топчут. Он здесь - местный и удивляется лишь одному: если в прошлом году зону 5000 "чужих" исходили, почему сейчас почти никого нет? Может, цены велики или интерес к опасным местам пропал?

Юрий этот интерес подогревает: уверяет, что зона будет представлять опасность еще 26 тысяч лет. Машет рукой в сторону заброшенных деревень с ослепшими от времени и безлюдья окнами. Но деревни поросли весенним лесом и выглядят почти оптимистично, а дозиметр показывает киевский уровень радиации - 12 микрорентген в час.

Град обреченный

Работники зоны носят с собой накопители, показывающие, можно ли им дальше здесь находиться. "Чернобыль - открытый источник непредсказуемого излучения", - рассказывает нам Сергей Киреев, замдиректора чернобыльского "Экоцентра".

Нам накопители не дают - за считанные дни много не наберешь. Единственная проверка для туристов - на выезде из зоны, где и машину промеряют, и человека через специальный турникет пропустят. Если не зазвенел - можно двигаться дальше. Если звон есть - отправляйся на мытье-дезактивацию.

Казенные сталкеры с собой дозиметры не берут. Единственное исключение - поездка в Припять, брошенный людьми город, выстроенный в 1970-м, бывший символом новой атомной эры и ставший бетонно-этажным памятником ей.

В зоне четко исполняют чернобыльскую конституцию - закон об обращении с радиоактивными отходами. Именно он регламентирует, куда здесь ходить можно, а куда - нельзя. Согласно ему в Припять попадать дозволено по особому пропуску.

КПП "Припять" встречает нас во фрунт: в безлюдном городе сегодня появилось начальство - секретарь украинского Совбеза Раиса Богатырева с десятком чиновников, которых в зоне называют "прихлебщиками". Ради визита дамы в Припяти ввели особый режим: сюда запустили охрану из ГАИ на "Жигулях" - ровесниках города.

Охрана тут - понятие условное. Колючая проволока вокруг города, где жили 80 тысяч человек, порвана настолько, что из Припяти "выпадаешь", даже не замечая этого. Такие "выпадения" действительно опасны - если город выдраен до 12-15 микрорентген, то в зарослях вокруг него и по 5 рентген случаются.

Треск в этих зарослях взбудоражил сталкера. "Нелегалы! Металлисты! Мародерствуют, вырезая железо из припятских зданий. Из-за них дома рушатся", - озвучил теорию разрухи Татарчук и попытался поймать добытчиков. Люди в черном бросились врассыпную. "Их все равно поймают, когда территорию прочешут", - уверен Юрий.

В Припяти природа победила человека, покрыв город лесом. Стадион стал березовой рощей, асфальт площади пробиты цветы и почти незаметной стала надпись на стене: "Пусть атом будет рабочим, а не солдатом".

У Татарчука свои экскурсионные точки. Вот бывшая гостиница, в которую креативные фотографы принесли кукол для печальных фото. Здесь из выбитого окна виден саркофаг. Вот библиотека, где под дождем и снегом сохранились книжки коммунистически-ленинской тематики, - все-таки АЭС была имени Ленина. Вот заржавевшие автоматы газировки, в которых металлисты оставляют пустые граненые стаканы, - радиация радиацией, а тара должна быть в наличии.

Ничего домашнего в Припяти уже не обнаружишь - все вынесено и вывезено в

зонные дома тех, кто сейчас живет и работает в Чернобыле.

Свободные радикалы

"Скоро 16, мне пора в офис, вам - на КПП "Дитятки", - напутствует нас Татарчук. Теперь мы - свободные радикалы с правом выбора: то ли остаться в зоне, увидеть ее настоящую и пообщаться с ее людьми, то ли законопослушно уехать. Выбор за нас делает машина - ее аккумулятор не выдерживает зону и разряжается, временно оставляя нас Чернобылю.

Задача номер один - спрятаться и продержаться до темноты. Идем в двухэтажный барак с надписью "Гостиница". Дежурящая здесь Варя предлагает номера по 36 гривен за неотопливаемое койкоместо. Варя, спасибо ей, наши зонные пропуска не спрашивает - ей достаточно, что у приезжих в руках пачки документов.

Пока хозяйка рассказывает, что в свои 42 она уже бабушка и что в зоне мужики еще о-го-го, на улице темнеет, и у нас появляется свобода передвижения. Одетые отнюдь не в стандартный зонный камуфляж, мы тянемся к центру здешней жизни - к гастроному. Тут - собрание женского клуба по пивным интересам. Пока берем свою поллитровку, которая по легенде хороша от стронция, барышни пьют пиво "с горла" и рассуждают, как раньше в Чернобыле здорово жилось: "Тут даже семьи образовывались. Зонными их называли".

Венчались семьи в местной церкви, жили в домах, брошенных после аварии, камины топили, вечера под гитару устраивали - телевизор-то не работал. Свадебный пик случился в 2000 году. Сейчас, спустя 10 лет, семьи стали распадаться - из-за "естественной убыли". Радиация, которую в Чернобыле счастливые не замечают, напомнила о себе.

В гастроном заходит мужчина в пиджаке, и женщины забиваются в угол, пряча бутылки за спины. "Это СБУ, наша служба безопасности, штраф выпишут, если за распитием в неположенном месте застанут", - позже объясняли дамы.

Распивать можно в кафе, которое через площадь. Пересекаем ее быстрым шагом - территория-то охраной просматривается. В кафе все в украинско-японской традиции - низкие деревянные

столы, отгороженные шелковыми розовыми занавесями. В целях интима их можно задерживать.

Сейчас зашторен только один отсек, его уважительно обходят стороной. За остальными столами камуфлированные плотные люди пьют горилку и льют речи малоцензурные, зато правдивые - о том, кому ж пришло в голову, что "лечебно-профилактическое" бесплатное питание вахтовика должно обходиться в 26 гривен (\$3,5) в сутки. И почему зарплата зонного работника должна быть 2000 гривен? И кто из киевского начальства на эти деньги смог бы прожить?

Есть в Чернобыле и демократические перемены - здесь открыли новый гастроном-наливайку. Чуть отдаленный от центра, он популярней прочих. Дорогу к нему находим в темноте по звону тары, которую чернобыльцы транспортируют из наливайки домой. Многие несут алкоголь в себе, тренированно пошатываясь не из стороны в сторону (так СБУ заметит), а вперед-назад.

В этой третьей кофейне нетрезвый народ напомнил нам историю, о которой "Известия" писали в 2001-м. Это повесть о чудесном рождении в Чернобыле девочки Марии, ставшей символом возрождения зоны.

В чем надежда для Марии?

Когда отец Федор, настоятель единственной уцелевшей в Чернобыле Ильинской церкви, крестил Машу, он не зря назвал ее чудом. Жила в зоне буфетчица Лида Савенко. И вот в возрасте 47 лет родила она девочку. Памятуя, что детей под реактором держать нельзя, и не имея жилья на чистой земле, Лида рождение дочери от начальства скрывала, помогал ей в этом чуть ли не весь город.

Зонные поэты посвящали Маше не очень срифмованные стихи. Народ скидывался, чтоб насобирать девочке на дом вдали от Чернобыля, да денег все не хватало. В итоге большое начальство все же Лиду обнаружило и выдворило по месту прописки - в город Желтые Воды, славный урановыми рудниками и радиацией выше чернобыльской. Жить там Лиде с Машей было негде - квартиру заняли старшие дети с семьями. Лида в Чернобыль тайными тропами вернулась, сказала, что одна

приехала, на работу в столовую устроилась. На деле же привезла с собой и Машку, умеющую делать две вещи - прятаться и молчать.

Росла Маша здоровая и красивая, вся в маму - русая, голубоглазая. Решила Лида ее в школу отдать в ближайшем городке Иванков. Сняла квартиру у доброй женщины, определила дочку в наипервейшую местную школу и скрыла, что девочка в Чернобыле рожденная и по выходным в зону возвращается.

Мы нашли Лиду. Она на смене в столовой была, но, как с дочкой встретиться, рассказала.

Иванков, ближайший к Чернобылю райцентр, оказался не похожим на зону, страдающую от мирного атома. Тут все патриархально и обычно - центральная площадь, центральный ресторан, центральная школа номер один, где Маша учится. Поднимаемся к завучу младших классов. Четвероклассница Маша, говорит, к выпускному готовится. Из младшей школы будет в среднюю переходить. По этому поводу ей предложено научиться танцевать вальс, да она отказывается. Маша высока и хороша, одноклассники ее малы, в кавалеры не годятся.

Машу находят, к завучу на ковер она прибегает резво, о Чернобыле говорить не хочет - кругом одноклассники, вдруг правду о Машинем рождении узнают.

Экипировка у нее - как у других девчонок, только лучше: кроссовки с золотым отливом, куртка с блеском, заколка со стразами. Лида, понимая, чего стоит дочке чернобыльское прошлое, пытается компенсировать будущее. А еще старшая Маша сестра, в мамы ей годящаяся, в Германии живет, подарки передает. Если б не тень саркофага, нависшая над девчонкой, проблем бы она не знала. "Я выучу английский и уеду отсюда. И маму заберу. Главное, чтоб никто не знал, откуда мы", - говорит Маша, в свои десять лет считающая радиацию клеймом.

"Известия" как символ

Чернобыльская зона 30-километровым радиусом не ограничивается. Сразу за ее колючей проволокой - села, которые выселить хотели, но не успели. Здешние потомки древлян побеждали радиацию кто как

горазд. Сергей Гончар из села Ораное нашел свой путь спасения. Он стал директором базы "Экополис", принадлежавшей Российской академии наук. Раньше жил на этой базе друг Гончара - ученый из РАН Игорь Рябов, эксперименты проводил, музей народных раритетов организовал, картины о Чернобыле рисовал, да умер в иванковской больнице, как и многие чернобыльцы.

Сейчас здесь радиация такая же, как в Киеве, о Рябове и его ушедших коллегах напоминают разве что гранитные мемориальные доски да памятник Чернобыльской мадонне, вырезанной из ржавого железа. В музее имени Рябова среди экспонатов - номер "Известий", зачитанный до дыр ликвидаторами аварии.

Километрах в пятнадцати от Ораного - село с правильным названием Страхолесье и неверным отношением к жизни. Здешняя "аристократия" строит дворцы под ограждением 30-километровой зоны, в местном магазине бойко продаются ром, джин и текила.

Самый яркий персонаж Страхолесья - охотник Иван Волкодав. Прозвище получил, когда зонное начальство поручило ему отстрел волков. "Тогда все по-правильному было, - вспоминает Волкодав. - Охоты проводили, всякие уважаемые люди вроде Черномырдина к нам приезжали. А теперь волков занесли в Красную книгу, стрелять их нельзя, через ограждение 30-километровки им прорваться проще простого, скоро на людей нападать станут. Как доедут зонных кабанчиков, оленей и рысей, так и к нам пожалуют".

Иван - редкий малопьющий элемент призонья. В соседнем селе Горностайполе, также историческом, нас вяло встречают граждане с припухшими лицами: "А чем еще заняться? Только пить. Вы в центр села не ходите, а то и вам нальют. Опасно".

В центре села и правда идет разлив - уже и не поймешь, то ли именины, то ли крестины, но торжественный лимузин уже выведен на старт. Это крепкой давности "Москвич", выигранный в "Спортлото-64". "Часто ли ездите на нем?" - интересуюсь у

хозяина, 84-летнего Владимира Ивановича. "Да лежу под ним чаще", - отвечает.

За спиной у Владимира Ивановича развевается розовая тряпка - бывший красный флаг, вывешенный здесь в год аварии. Мимо по отличной асфальтовой дороге (зачем такая зона, где основной транспорт - лошади?) несется школьный автобус. Пребывание малолетних здесь разрешено, опасной считается только 30-километровая зона, 31-й километр якобы безвреден.

Славутич обетованный

Город Славутич, где живут работники АЭС, держится на энтузиазме его мэра Владимира Удовиченко, правящего тут двадцать лет. Преступность в Славутиче близка к нулю, а темпы экономического развития завидны даже для Киева.

Мэр Удовиченко - как Большой брат, который видит все. Поставил по городу семь камер слежения, но не сообщил гражданам, где именно. Теперь они во всех кварталах ведут себя прилично - на всякий случай.

Попасть к Удовиченко можно без предварительных договоренностей - просто открыв дверь. Что мы и сделали. "Славутич - это Спас нашего региона", - заявил мэр практически вместо "здрасьте". Его слова подтверждены городским гербом, на котором белый ангел разрубает мечом мирный атом. Мэр, бывший парторг Чернобыльской станции, в свой город верит. Он уже привлек сюда инвестиции из России, Бельгии, Польши, Штатов и Германии. В городе, где 24,5 тысячи жителей, пошел естественный прирост населения. Детей здесь столько, что глазу непривычно.

В Чернобыле и его зараженных окрестностях жива мечта о превращении в мирную лужайку, на которую вернутся люди. Об этом ученый Рябов неумело, но искренне нарисовал картину: голубая Припять, зеленая трава, веселые люди и на горизонте - уже нестрашный энергоблок. Закончить эту работу Рябов не успел.

Я.Соколовская

Источник: Известие.-2010.-26 апр.-С.1,11.